

О.А. ВЛАСОВА¹

¹ Институт философии СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

МЕТОДОЛОГИИ *MEMORY STUDIES* И СОЦИОЛОГИИ ФИЛОСОФИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ¹

Аннотация. В то время как увлечение *Memory Studies* уже давно охватило исследования культурных традиций и социальных групп, область науки (научных традиций) говорит о своих проблемах на языке истории, философии и социологии науки. Это происходит несмотря на возможную продуктивность *Memory Studies* для этого проблемного поля. Настоящая работа сводит *Memory Studies* и социологию философий Р. Коллинза, показывая новую стратегию проблематизации на материале истории философии. *Memory Studies* и социология философий представляются как два взаимодополняющих подхода, имеющих междисциплинарные перспективы для осмысления методологических проблем гуманитарных наук в целом и философии в частности. Анализируются основания подходов, проводится сравнительный анализ концептуального аппарата, рассматриваются примеры экспликации социологического инструментария на поле актуальных философских дискуссий.

Как работает с прошлым философия, как диалектика «прошлое – настоящее» развертывается в сообществе философов, как силовые линии его мнемоническими практиками? Как выбираются «священные тексты» в академических сообществах, какова роль мнемонических практик в связи поколений? И главное, какие практики противостояния или принятия фигур прошлого циркулируют в академическом сообществе? Все эти вопросы анализируются в работе как с опорой на концепции *Memory Studies* и социологии философий Р. Коллинза, так и с привлечением широкого спектра идей его критиков, а также методологических историко-философских трудов. Предложенный подход позволяет произвести экспансию *Memory Studies* и социологии философий на область истории философии и заложить основания для подобных исследований в истории, социологии и философии науки.

Ключевые слова: социология философий; история философии; *Memory Studies*; мнемонические практики; память.

Для цитирования: Власова О.А. Методологии *Memory Studies* и социологии философий в исследованиях истории философии и науки // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 1. С. 24–39. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8836

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 20–011–00616 «Самосознание истории философии в междисциплинарном контексте практик памяти»).

Экспансия *Memory Studies* широко распространилась на исследования культурных и социальных групп, и нынешнее время в социальных науках называют эпохой дискурса памяти. Однако область науки (научных традиций) до сих пор говорит о проблемах памяти на языке истории, философии и социологии науки. Разрыв сохраняется, несмотря на продуктивность *Memory Studies* для этого проблемного поля и на близость подходов. Настоящая работа сводит *Memory Studies* и социологию философий Р. Коллинза и показывает в этом свете перспективы новой проблематизации практики памяти на материале истории философии. Вопрос «как работает со своим прошлым философия?» обсуждается, таким образом, одновременно в рамках исследования ее мнемонических практик и институциональной структуры.

Современная философия, несмотря на основополагающее место в «системе наук», на неизменное ощущение своей основности, говорит о своем прошлом в терминологии гегелевской философии. Отечественная традиция здесь во многом повторяет путь мировой. Отход на второй план историко-философского дискурса во второй половине XX в. и акцентирование социально-политической мысли в философии приводит к тому, что история философии все больше погружается в архаику. Она не всегда способна выразить свои проблемы на современном языке, поэтому часто мыслится как несовременная и ненужная. И это очень странно: все вокруг говорят о прошлом, а вот история философии между тем молчаливо наблюдает за этими баталиями со стороны. Выступая истоком гуманитарной и социально-политической мысли, она не может включиться в ее бурлящее поле дискуссий.

Предложенный в работе подход позволяет применить методы *Memory Studies* и социологии философий к области истории философии. Одновременно он позволяет самой истории философии войти в поле гуманитарных и социальных наук, разделить с ними общее дискуссионное поле, артикулировав на современном языке ее древнейшие и основополагающие проблемы.

Социальный дискурс памяти:

***Memory Studies* и социология философий**

Развитие *Memory Studies* связано с введением понятия памяти в социологию. Родоначальник этой волны социолог Морис Хальбвакс, находившийся под влиянием философии памяти А. Бергсона и социологии Э. Дюркгейма, в первой трети XX в. в кантианском духе заговорил не просто о важности исследования социального контекста памяти, но и о необходимости проблематизации ее социальных рамок, ведь «наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [21, с. 29]. Социальные рамки памяти для Хальбвакса — это те границы, в которых формируется «я» человека, чей образ находится в тесной связи с групповой идентичностью.

Во второй половине XX в., на волне активизации методологических поисков истории и попыток осознания европейского прошлого, социальные исследования памяти распространяются на пространство истории и культуры [31]. Центральным тезисом при этом становится указание на искусственный характер истории и сближение ее с памятью. «Современные исследования истории историописания рассматривают ее точно так же, как Хальбвакс рассматривал память: как продукт социальных групп...» [27, р. 45], — отмечает Питер Барк. История как память при этом проблематизируется в границах группы (культуры, общества), особое внимание обращается на историческую изменчивость культурных смыслов, социальную обусловленность истории и ее включенность во властные отношения.

С развитием сетевой теории появляется также ряд смежных проблемных пространств, которые выдвигают сходную с *Memory Studies* проблематику только в своей терминологии. Одной из таких теорий является социология философий Рэндалла Коллинза [7], которую, как и *Memory Studies*, отличает внимание к группе и обсуждение диалектики «прошлое — современность» на ее уровне. Коллинз открыто признает магистральное влияние теорий И. Гофмана и Э. Дюркгейма [6], и, учитывая весомое влияние последнего на формирование теории коллективных представлений и коллективной памяти [4], вполне закономерно, что вопросы, поднимаемые в работе, могут быть контекстуализированы и в рамках проблем дискурса памяти.

В методологической части «Социологии философий» Коллинз не раз говорит о прошлом. Масштабное прошлое для него есть новейший феномен нашего времени. «Двадцатое столетие — первое, в котором стало возможно всеохватывающее постижение мировой истории» [7, с. 39], — начинает он предисловие к книге. Это прошлое предстает как протяженность интеллектуальных сетей [13] во времени, а интеллектуальные сети — как социальные связи «между теми мыслителями, чьи идеи передавались в последующих поколениях» [7, с. 40]. Акцентируя интерсубъективность сети [23] и называя сети «мнемоническим приемом», Коллинз указывает на их меморативный характер: они связывают интеллектуалов, в них мы видим акценты главного и второстепенного и можем проследить приемы сохранения связности и разрыва, а также священные тексты, фигуры и приоритетные линии. Сети, собственно, и есть нити истории, терминология «сети» — это и есть для Коллинза попытка схватить историю и трансформацию из прошлого в современность социологически.

Поскольку сеть есть сеть конфликтов и несогласий, дискуссий и споров, Коллинз вместе с терминологией сети вводит терминологию «эмоциональной энергии», которая позволяет объяснить сконцентрированность вокруг определенных фигур, своеобразные густоты, неравномерность сетевой структуры. Эта эмоциональная энергия заряжает продукты сетей — идеи — особой сакральностью, отличной от таковой в религии.

Прошлое — точка идентификации интеллектуальных сетей, именно философ прошлого является фигурой, с которой себя связывают или с которой дискутируют последующие поколения. «Этот дискурс, — разъясняет Коллинз, — сам по себе строится из элементов прошлого, утверждая и продолжая либо отрицая их. Ранее заряженные старые сакральные объекты “подзаряжаются” вниманием либо деградируют, теряя свою сакральность, и изгоняются из жизни сообщества; новые кандидаты в сакральные объекты предлагаются для освящения» [7, с. 76]. На этой схеме базируется интеллектуальный ритуал, и таким образом обращенный отрезок «прошлое — современность» есть основание сети интеллектуалов. Фигуры прошлого становятся сакральными объектами, а их тексты и идеи составляют культурный капитал, в отношении которого современные идеи представляются как новые и важные. Современные мыслители используют культурный капитал и энергию прошлого для своего закрепления в интеллектуальных сетях настоящего. «На самом деле, мы, интеллектуалы, — продолжает Коллинз, — являемся водоворотами в реке времени, причем, возможно, в большей степени, чем другие люди, поскольку именно наше дело — заботиться о такой связи через поколения» [7, с. 115, 117].

В философии функцию сохранения культурного капитала и эмоциональной энергии выполняет история философии. Для Коллинза «история философии есть в значительной степени история групп» [7, с. 48]: история течений, движений, кружков, межпоколенческих связей, горизонтальных и вертикальных линий влияния и противостояния. Поэтому ответы на меморативные методологические вопросы и формулировки самих этих вопросов будут сопряжены с проблематизацией особенностей интеллектуальных сетей современности.

При последовательном анализе теории *Memory Studies* и социологии философий в контексте проблематизации практики памяти обнаруживается взаимодополнение терминологии. Среди таких смежных понятий от *Memory Studies* можно назвать понятия «места памяти», «память» и «история» (мнемо-история), «социальная память», «социальная группа», а также треугольник «фиксация — сохранение — интерпретация». От социологии философий — это понятия «интеллектуальная сеть», «эмоциональная энергия», «культурный капитал», а также дополнительные понятия: «фигуры прошлого», «внимание», «величие» и проч. Сразу же заметно, что исследователи *Memory Studies* оперируют традиционной терминологией социологии групп, в то время как терминология социологии философий сформирована в рамках сетевой теории. Концептуально первая в своих понятиях дает общую картину, которую можно наполнить посредством использования аппарата социологии философий, и для истории философии именно взаимодополнение *Memory Studies* и социологии философий позволяет представить наглядную методологическую картину.

Опорная пара понятий *Memory Studies* «история» и «память» очерчивает центральную проблему. Акцентируя естественность истории и искусственность памяти, исследователи, начиная с М. Хальбвакса, взывают к самосознанию. Так, подчеркивается, что теперь интересна не живая история прошлого, но сама работа по конструированию, обусловленная социальными рамками группы, частью которой мы являемся. Надо признать, что, несмотря на отсутствие этих понятий и их прямых эквивалентов в социологии философий Р. Коллинза, подобная проблематизация как исходная точка уже заложена в ее основании, ведь она развивается фактически на волне мемори-бума.

Коллинз смещает акцент с прошлого на настоящее и ставит в центр своего внимания интеллектуальную сеть — концепт-аналог «социальной группы». Посредством него он определяет не основание производства прошлого (бессознательные социальные представления), а изнанку производства мысли вообще. Прошлое — одна из силовых точек этого производства. Использование понятия интеллектуальной сети дает возможность прояснить механизмы этой деятельности более детально. «Группа» *Memory Studies* отсылает к более или менее однородной социальной общности, в которой главное — *социально* обусловленное производство; «сеть» социологии философий предполагает исследование внутреннего наполнения и самих механизмов социального взаимодействия, в рамках которого мысль живет.

Отношения с прошлым в рамках интеллектуальной сети Коллинз описывает посредством понятий «культурный капитал» и «эмоциональная энергия». При этом «культурный капитал», как мы видим, есть не просто аморфное наследие прошлого, это «священные тексты, фигуры и приоритетные линии», наделенные особой сакральностью. Они заряжены «эмоциональной энергией» и обуславливают образование сгустков интеллектуальной сети, акцентов в развитии культурного капитала. Аналогичную идею неравномерности, особых точек идентификации группы мы видим в важном для *Memory Studies* концепте «места памяти», обозначающем священные события и места для формирования идентичности группы. Важно отметить, что все эти понятия (культурный капитал, эмоциональная энергия, места памяти) указывают на искусственный (конституируемый) и управляемый характер в социальной группе и академической сети.

Обращение культурного капитала и эмоциональной энергии, «внимание» к «фигурам прошлого» и «величию» (или к «местам памяти») создает силовые линии для треугольника «фиксация — сохранение — интерпретация», который в большей степени концептуализируется в рамках *Memory Studies*. Самое важное здесь — указание на то, что полярный отрезок «прошлое — современность» является местом конституирования идентичности группы или академической сети, что «интерпретация» носит характер не воссоздания, но «реконструирования» по законам и потребностям современности.

Примерно так можно совместить понятийные сетки *Memory Studies* и социологии философий, и в рамках этого сравнительного анализа история философии может контекстуализироваться не только и не столько в историческом (традиционном для нее), сколько в социальном пространстве. История философии предстает при этом не как совокупность зафиксированных фактов ушедшей эпохи (фактов мысли), а как социально обусловленная деятельность по преобразованию прошлого. Она по самой своей природе признается продуктом, организованным внутри социальных рамок.

Мнемонический дискурс истории философий

Для истории философии, как и для истории вообще, сегодня справедливо утверждение Питера Берка: «И история, и память становятся все более проблематичными. Вспоминать прошлое и писать о нем — теперь уже не такое невинное занятие, как раньше» [27, р. 44]. История философии больше не может быть «невинным занятием» реконструкции, а с необходимостью должна проблематизировать свою практику работы с прошлым [29]. Дискурс *Memory Studies* при этом может дать ей общую методологию, понять же архитектуру работы памяти может помочь социология философий. В каком-то смысле (каким бы необоснованным на первый взгляд ни казалось подобное утверждение), привлечение социологии философий есть первая попытка постановки проблемы конструктивного характера мысли в философии, рассматриваемой через оптику академического сообщества.

В общем русле движения гуманитарных и социальных наук можно выделить два уровня проблематизации в истории философии, которые позволяют ей говорить о себе как о практике памяти: *уровни мнемонических и институциональных практик*. Оба они взаимосвязаны и не могут быть прояснены в отрыве друг от друга. В одной из своих важных теоретических работ известный историк античной философии Эмиль Брейе выделяет два механизма «продолжения» прошлого в настоящем: продолжение традиции (в непрерывности мысли) и возрождение интуиции (связанное с прерывным развитием мысли). «Возрождение в подлинном смысле слова есть обновление, а не продолжение мысли. Возрождение принципиально отлично от традиции с ее пресловутой продолжительностью. Возрождение в широком его понимании вполне может обойтись без формальной или эксплицитной связи с течением мысли, которое оно возобновляет. <...> У возрождения в таком его понимании нет ничего общего с влиянием: возрождение возобновляет интуицию, а не традицию» [1, с. 284], — противопоставляет эти два механизма Брейе. Важно, что оба указанных механизма развития истории философии трактуются им как меморативные в том смысле, в котором говорили классики *Memory Studies* и в котором осмысляется прошлое сейчас.

Традиция связана с практиками, которые в рамках школ и направлений, в рамках академических групп в письменной и устной

форме фиксируют идеи философии прошлого. По отношению к традиции в большей мере применимы исследования социологии философий, поскольку здесь возможна контекстуализация наработок *Memory Studies*, развитых применительно к социальным группам, в рамках функционирования академических групп и академической системы в целом. Однако и история философии как обновление интуиции может быть вписана в процесс меморации в качестве работы по реконструкции, обновлению, интерпретации, обращению к давней традиции или же уклонению от нее. Именно она выстраивает ту непрерывность переписанного прошлого, о которой говорят теоретики *Memory Studies*: «Неотступное “прошлое” не просто деконструирует понятия отсутствия и дистанции; скорее, оно стирает четкое различие между прошлым и настоящим и тем самым даже ставит под сомнение эти временные измерения как отдельные сущности» [25, р. 5]. Именно в возрождении мысли на смену прерывности, безвозвратности приходит «история как непрерывный процесс» [32, р. 8], и разворачивается сложная диалектика прерывности и непрерывности. И терминология «возрождения интуиции» Брейе неслучайна, о возрождении не только как об эпохе, но и как о механизме меморации говорил еще Аби Варбург, стоявший у истоков дискурса памяти [3].

Вопросы мемориальной истории [33, р. 4] одновременно являются и вопросами социологии философий. Сближение двух полей с опорой на методологию социального исследования практик исторической памяти [24] позволяет акцентировать ряд процессов и практик истории философии.

История философии, будучи индивидуальной практикой возобновления интуиции (в терминологии Брейе), всегда представляется и как институциональная практика дискуссий и диалога. Являющаяся историей групп она, как и другие гуманитарные науки, делает предметом дискуссий искусственное прошлое памяти [18]. Таким образом, прошлое в истории философии акцентировано: оно и точка идентификации (как фигура или идеи), и предмет дискуссии (в обсуждении стратегий его интерпретации).

Акцентирование прошлого и его удвоение приводят к усилению важности текста, он становится своеобразным местом памяти, вокруг которого ведутся дискуссии, намечаются новые линии интерпретации. Институциональное объединение философов часто происходит посредством вертикальных, а не горизонтальных связей: по отношению к фигуре или тексту прошлого. Вокруг журналов, факультетов, проектов объединяются на основе акцентированной идентификации с фигурой прошлого: так мы видим платоников, кантианцев, феноменологов и проч. В терминологии *Memory Studies* это места памяти, в дюркгеймовской терминологии социологии философий — священные объекты и священные фигуры.

Это акцентирование прошлого приводит к укреплению философских традиций. История философии есть продолжение традиции и эмоционально заряженное философской энергией возобновление интуиции. Последний из упоминавшихся терминов Брейе в рамках социологии философий может быть контекстуализирован как развитие эмоциональной энергии. В этом случае продолжение интуиции также вписывает историка философии в традицию, как и ее прямое продолжение в рамках школы, только эта связь достигается путем образования альянсов посредством прямого отождествления с фигурой прошлого и культивирования эмоциональной энергии.

Как можно применить обрисованную концептуальную схему мемори-дискурса к конкретным практикам истории философии? Какие проблемные поля, дискуссии могут быть более продуктивно осмыслены посредством обращения к дискурсу памяти и социологии философий? Сразу же нужно отметить, что, предлагая поля возможной контекстуализации, разбирая примеры, мы можем лишь наметить основные линии анализа или рассмотреть основные понятия. Детальный анализ в рамках одной статьи невозможен, поскольку предполагает длительную понятийную и методологическую работу.

Вероятно, самые яркие примеры «мемори-трансформаций» в истории философии мы можем отыскать в компаративной философии XX в., которая акцентировала саму проблему «переноса» философских идей через границу обществ и культур и поставила проблему культурных и социальных рамок историко-философской памяти. Рамки и границы — здесь ключевая проблема, однако в контексте самой сравнительной философии она ставится как проблема адаптации, трансформации ценностей, то есть в культурном аспекте, подобно культурной истории, исследующей память и развивающейся с 1980-х гг. В рамках отечественной традиции эта проблема актуализируется в основном с опорой на теорию Ю.М. Лотмана, которая представляет прошлое важным моментом настоящего и его самосознания [11, с. 615].

В компаративной истории философии становится значимым не только отрезок «прошлое — современность», но и дистанция «своя культура — чужая культура»; именно в этом контексте может быть поставлена проблема трансформационной деятельности историка философии, его работы по преобразованию дискурса другой культуры. «Как история философии, так и философская компаративистика, — подчеркивает С.Л. Бурмистров, — выступают здесь как один и тот же тип деятельности, только направленный на разные объекты: в первом случае это собственное прошлое данной культуры, во втором — иная культура. Сама же эта деятельность заключается во взаимной адаптации текстов или массивов текстов: описание прошлого или иной культуры необходимо встроить в описание “нашей современной культуры”» [2, с. 13]. Архитектоника работы памяти при этом неизменная,

в этой области с успехом могут быть поставлены вопросы коллективных рамок, великих фигур, особенностей функционирования и преобразования культурного капитала, эмоциональной энергии, а главное, могут реконструироваться те сети, в которых происходит перенос смыслов из одной культуры в другую. В социальном ракурсе проблема рамок становится проблемой границ групповой идентичности и групповой памяти.

В истории философии XX в. достаточно примеров, показывающих, как социальные рамки определяют основания историко-философской реконструкции. Это советская история философии [34], китайская история философии 1920–1940-х гг. [10], сравнительная рецепция западной традиции в индийской мысли [9]. Наиболее емким по отношению к этому опыту интерпретации является термин «ревизия», не случайно так часто использовавшийся в советской гуманитарной мысли. Ревизия показывает «искусную» работу, в рамках которой в советской философии Гераклит становился материалистом, а Платон — объективным идеалистом.

Социально (в чем-то идеологически) обусловленная историко-философская ревизия осуществляется вокруг выстраивания связей с фигурами-союзниками. Для советской философии, например, это фигуры идеологии, выходящие за пределы философского дискурса, — Маркс, Ленин и проч. Для Китая это фигура Конфуция, освященная вековой традицией. Связь с ними заряжена эмоциональной энергией, их тексты являются «священными», они в обязательном порядке цитируются (вспомним введения советских работ). Созвучие с идеями становится алиби историко-философской реконструкции. Более того, рамки работы памяти здесь обуславливают восприятие идей через призму «сходства/различия», и важным моментом становится «критика», каковой стала критика идеализма в советской философии. Историко-философский дискурс очень четко выстраивается в контексте именно этой полярности выявления преемственности или жесткой критики. В рамках идентификации с сильными фигурами прошлого выстраивается и академическое сообщество. Ревизионистские тексты формируют культурный капитал традиции. Отождествление с фигурой прошлого, выбор персоналии для изучения историком философии означают принятие его в сообщество.

Описанная схема позволяет лучше понять механизмы историко-философской работы и функционирование сообщества, а также недавние громкие дискуссии. Одна из таковых — об опубликованных «Черных тетрадах» М. Хайдеггера, где тот обнаруживает яркую эмоциональную связь с режимом, в котором живет, и ряд явных установок, требующих осмысления (антисемитизм, поиски подлинного национализма и проч.) [20].

Хайдеггер для западной мысли XX в. — знаковая фигура, одновременно один из узлов академического философского сообщества,

его идеи и тексты авторитетны в разных отраслях философии, широко цитируемы. По общему признанию они — выражение кризисного характера европейского сознания XX в. и (что важно) попытки сохранить основность и связь с истоком культуры. Связь с Хайдеггером для философии сильно эмоционально заряжена, его идеи образуют во многом само основание философского капитала ушедшего столетия. Таковой она является и для отечественной историко-философской традиции: в 1990-е, когда отечественная мысль открывала для себя свободную философию, многие наши крупнейшие философы (Н.В. Мотрошилова, П.П. Гайденко, В.В. Бибахин и др.) не только несли русскому читателю идеи Хайдеггера, но и идентифицировались с его стилем мышления, в чем-то разделяли его мировоззрение.

В этой ситуации суть всех дискуссий вокруг «Черных тетрадей» помогает осознать «мемори»-взгляд: грех принятия идей режима, грех антисемитизма и проч., совершенные Хайдеггером, падают на современную философию, на всех, цитирующих его работы, поскольку эмоциональная отсылка к нему означает принятие его ценностей. Закономерно звучит вопрос Н.В. Мотрошиловой, вбирающий высказанные многочисленными мнения: «...не нуждается ли сложившаяся история философии (по крайней мере XX в.) в том, чтобы быть полностью переписанной?» [14, с. 160].

Идеи Хайдеггера нельзя просто вычеркнуть из истории философии, поскольку они — точка идентификации кризисной европейской мысли. Поэтому открытое наследие также невозможно подвергнуть однозначной рецепции в рамках одной статьи или книги. Его нужно встроить в мировоззрение философского (или даже гуманитарного) сообщества (или даже общества вообще, учитывая широкий резонанс публикации за рубежом). Именно поэтому за выходом «Тетрадей» последовали многочисленные дискуссии, конференции, дебаты, круглые столы. «Давно известно и то, что Хайдеггер был антисемитом, но до сих пор исходили преимущественно из того, что он был “только” “Kulturantisemit” и, во всяком случае, ни в каком смысле не был расистом (правда, уже были известны и его однозначно расистские высказывания). Новой в предлагаемом тексте стала (доселе мне неизвестная) форма амбивалентности, значение которой следует прояснять в ходе дебатов, опирающихся на полученную информацию», — описывает ситуацию М. Габриэль [5, с. 167].

Основная цель дебатов — встроить уже «канонизированную» мысль Хайдеггера в те социальные рамки, которые не приемлют ценностей, афишируемых им на страницах открытых дневниковых записей. Поэтому за многочисленными разговорами на эту тему стоит долгая работа памяти, которая должна выработать новую интерпретацию мысли Хайдеггера. Эта работа приведет к переоценке его идей, к появлению новых историко-философских ходов, к многочисленным

сопутствующим философско-культурным выводам. И она, несомненно, через какое-то время будет проведена. Артикуляция дискуссии в рамках терминологии *Memory Studies* и социологии философий помогает понять ее суть и глубокие основания.

Заключение

Разумеется, представленная интерпретация схематична, не лишена недостатков и грешит натяжками, однако она позволяет вывести историю философии в междисциплинарное поле, где мы можем поставить ряд насущных для нее вопросов. Она также позволяет понять значение социологии философий Коллинза и социального дискурса памяти для философии и пути их развития в рамках истории философии.

Какие противоречия имеет эта схема, можно спрогнозировать, опираясь на критическое восприятие социологии философий. Сама книга Р. Коллинза вызвала целый шквал критики: за неоправданную масштабность, за опору на вторичные источники, конкретные ошибки и в целом непонимание сути творчества и историко-философского процесса [30, р. 211]. Однако при этом большинство критиков признали и смелость Коллинза в сведении полей разных наук, оценив то, что он дал обоснованный повод для анализа ряда проблем, которые не могли быть артикулированы ранее с такой четкостью. В своей разгромной статье Ян Дхарви подчеркивает: «Коллинзово социологическое исследование философии — это не просто исследование философии. Это вклад в философию» [28, р. 281]. Марио Бунже открывает свою критическую статью следующим справедливым признанием: «Этот амбициозный труд, возможно в чем-то впервые, бросает вызов общепринятому интерналистскому взгляду на философию. <...> Он отказывается от классического образа философа как одинокого мыслителя не от мира сего, посвящающего себя высшим сферам» [26, р. 227].

Исследуя идеи Коллинза, Н.В. Попкова говорит о «социологическом взрослении» философии [16]. Продолжить ее идею можно и применительно к методологическому пласту истории философии, можно поднять вопрос и о «методологическом взрослении» философии. Предложенный подход позволяет осмыслить историю философии не только как процесс усвоения идей прошлого, но и как практику дискуссий по вопросам трактовки идей прошлого, как вписанный в академический контекст дискурс памяти. О необходимости интенсификации дискуссий и выводе на первый план фактов академической жизни сегодня часто говорится в контексте обсуждения кризисных явлений в философском образовании и образовании в целом, а также в обсуждении институционального подхода [8; 22]. История философии в сближении с социологией философий, понятая в рамках *Memory Studies*, может быть вписана и в эти дискуссии, и так может быть начата новая (в противовес ранней марксистской [12]) традиция взаимодействия социологии и философии.

Можно согласиться с переводчиком работы Коллинза на русский язык Н.С. Розовым [17] в том, что социология философий открывает новую перспективу проблематизации философского процесса; можно дополнить, что она дает новый импульс для методологического осмысления истории философии. Социология философий и дискурс памяти позволяют показать трансформируемый характер философского прошлого и социокультурные детерминанты этого процесса. При всем признании правомерности критики для нас важно то, что сведение проблемных полей разных дисциплин позволяет разомкнуть область истории философии для гуманитарных наук, поставив ряд вопросов, которые не могут быть исследованы исключительно в рамках самой истории философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брейе Э.* Как я понимаю историю философии // *Философия Плотина* / Пер. А.С. Гаголина. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 277–288.
2. *Бурмистров С.Л.* Философская компаративистика и история философии // *Хора. Журнал современной зарубежной философии*. 2008. № 1. С. 5–17.
3. *Варбург А.* Великое переселение образов: исследование по истории и психологии возрождения античности / Пер. Е. Козиной, Н. Булаховой, Д. Захаровой. СПб.: Азбука-классика, 2008. — 381 с.
4. *Васильев А.Г.* Воплощенная память: Коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // *Социологическое обозрение*. 2014. № 2. С. 141–167.
5. *Габриэль М.* Нацист из засады // *Вопросы философии*. 2015. № 4. С. 166–169.
6. Интервью с профессором Рэндаллом Коллинзом // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Т. 7. № 1. С. 10–26.
7. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С. Розов и Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2002. — 1280 с.
8. *Куренной В.* Почему мы возвращаемся к институтам? // *Логос*. 2020. № 6. С. 1–22. DOI: 10.22394/0869-5377-2020-6-1-18
9. *Литман А.Д.* Современная индийская философия. М.: Мысль, 1985. — 400 с.
10. *Ломанов А.В.* Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя. М.: Восточная литература РАН, 1996. — 248 с.
11. *Лотман Ю.М.* Память культуры // *Семиосфера. Статьи, исследования, заметки*. СПб.: Искусство-СПб., 2010. С. 614–621.
12. *Малинкин А.Н.* Социология и философия: Нераздельны и неслиянны. Рождение марксистской социологии из духа большевизма // *Социологический журнал*. 2020. № 3. С. 148–171; № 4. С. 137–169. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7399
13. *Мальцева Д.В., Романовский Н.В.* О современных сетевых теориях в социологии // *Социологические исследования*. 2011. № 8. С. 28–37.
14. *Мотрошилова Н.В.* «Черные тетради» М. Хайдеггера: по следам публикации // *Вопросы философии*. 2015. № 4. С. 131–162.

15. *Попкова Н.В.* «Социология философий» Р. Коллинза и необходимость «социологического взросления» философии // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 215–222.
16. *Попкова Н.В.* Социология философии: трудности развития // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 133–142. DOI: 10.31857/S013216250006228-3
17. *Розов Н.С.* «Социология философий» Рэндалла Коллинза — новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории // *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С. Розов и Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2002. С. 7–31.
18. *Романовский Н.В.* Новое в социологии — бум памяти // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 13–23.
19. *Тощенко Ж.Т.* Историческая память и социология // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 3–6.
20. *Хайдеггер М.* Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938) / Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 584 с.
21. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / [Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкин]. М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.
22. *Чубаров И.М.* Академическая коммуникация в научных сообществах России и Германии: форматы, нормы и ограничения // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 44–48. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-44-48
23. *Шмерлина И.А.* «Интерсубъективность»: становление социально-феноменологического понятия // Социологический журнал. 2021. № 3. С. 35–59. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8423
24. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд. М.: Омега-Л, 2007. — 567 с.
25. *Bevernage B.* History, Memory, and State-Sponsored Violence: Time and Justice. N.Y. & L.: Routledge, 2012. — 250 p. DOI: 10.4324/9780203803561
26. *Bunge M.* Philosophy from the Outside // Philosophy of the Social Sciences. 2000. No. 2. P. 227–245. DOI: 10.1177/004839310003000204
27. *Burke P.* Varieties of Cultural History. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997. — 256 p.
28. *Jarvie I.C.* The Philosophical Deficit in Randall Collins’s The Sociology of Philosophies // Philosophy of the Social Sciences. 2004. No. 2. P. 274–283.
29. *Megill A.* History, Memory, Identity // History of The Human Sciences. 1998. No. 3. P. 37–62. DOI: 10.1177/095269519801100303
30. *Munz P.* The Poverty of Randall Collins’s Formal Sociology of Philosophy // Philosophy of the Social Sciences. 2000. No. 2. P. 207–226. DOI: 10.1177/004839310003000203
31. *Olick J., Robbins J.* Social Memory Studies. From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. Vol. 24. P. 105–140. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.105
32. *Runia E.* Presence // History and Theory. 2006. No. 1. P. 1–29. DOI: 10.1111/j.1468-2303.2006.00346.x

33. Tamm M. Introduction: Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory // Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory / Ed. by M. Tamm. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–23. DOI: 10.1057/9781137470188_1
34. Zweerde E., van der. Soviet historiography of philosophy: istoriko-filosofskaja nauka. Boston: Kluwer Academic Publishers, 1997. — 291 p. DOI: 10.1007/978-94-015-8943-7

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Власова Ольга Александровна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Телефон: +7 (812) 328-94-21, доб.: 1841. **Электронная почта:** o.a.vlasova@gmail.com

Дата поступления: 25.10.2021.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2022.
VOL. 28. No. 1. P. 24–39. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8836

*OLGA A. VLASOVA*¹

¹Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University.

5, Mendeleev line, 5, 199034, Saint-Petersburg, Russian Federation.

METHODOLOGIES OF *MEMORY STUDIES* AND SOCIOLOGY OF PHILOSOPHY IN THE STUDY OF THE HISTORY OF PHILOSOPHY AND SCIENCE

Abstract. While interest towards *Memory Studies* has long been popular when it comes to studying cultural traditions and social groups, the field of science (scientific traditions) describes issues using the traditional language of history, philosophy and sociology of science. This happens despite *Memory Studies* potentially being a productive asset in this problem field. This paper brings together *Memory Studies* and R. Collins' sociology of philosophy, while presenting a new strategy for problematization based on the history of philosophy. *Memory Studies* and sociology of philosophies are presented as two complementary approaches that have interdisciplinary prospects for understanding the methodological problems of the humanities in general and philosophy in particular. The foundations of the approaches are analyzed, a comparative analysis is conducted of the conceptual apparatus, examples of explication of sociological tools in the field of current philosophical discussions are considered.

How does philosophy work with the past, how does the “past-present” dialectic unfold in the community of philosophers, how do mnemonic practices determine the lines of power in this field? How are “sacred texts” selected in academic communities, what role do mnemonic practices play when it comes to generational bonds? What sort of practices circulate in the community in terms of condemning or accepting figures from the past? All of these issues are analyzed in the study, based on the concepts of *Memory Studies* and sociology of philosophy while invoking the ideas of R. Collins' critics, as well as methodological historical and philosophical works. The approach offered by the author makes it possible to expand *Memory Studies* and sociology of philosophy into the field of history of philosophy and lay the foundations for such studies in the history, sociology and philosophy of science.

Keywords: sociology of philosophies, history of philosophy, *Memory Studies*, mnemonic practices, memory.

Acknowledgment. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project 20-011-00616, “The self-consciousness of the history of philosophy in the interdisciplinary context of memorative practice”).

For citation: Vlasova, O.A. Methodologies of *Memory Studies* and Sociology of Philosophy in the Study of the History of Philosophy and Science. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 1. P. 24–39. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8836

REFERENCES

1. Breie E. How I understand the history of philosophy. *Filosofiya Plotina*. [Philosophy of Plotinus.] Transl. by A.S. Gagonin. St Petersburg: Vladimir Dal' publ., 2012. P. 277–288. (In Russ.)
2. Burmistrov S.L. Philosophical comparative studies and history of philosophy. *Khora. Zhurnal sovremennoi zarubezhnoi filosofii*. 2008. No. 1. P. 5–17. (In Russ.)
3. Varburg A. *Velikoe pereselenie obrazov: issledovanie po istorii i psikhologii vrozozhdeniya antichnosti*. [The Great Migration of Images. A Study in the History and Psychology of the Renaissance of Antiquity.] Transl. by E. Kozina, N. Bulakhova, D. Zakharova. St Petersburg: Azbuka-klassika publ., 2008. 381 p. (In Russ.)
4. Vasil'ev A.G. Embodied Memory: Commemorative Ritual in Sociology of Émile Durkheim. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2014. No. 2. P. 141–167. (In Russ.)
5. Gabriel' M. Nazist on the sly. *Voprosy filosofii*. 2015. No. 4. P. 166–169. (In Russ.)
6. Interview with Prof. Randall Collins. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2004. Vol. 7. No. 1. P. 10–26. (In Russ.)
7. Kollinz R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. [Russ. ed.: *Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya*. Transl. from Eng. by N.S. Rozov, Yu.B. Vertgeim. Novosibirsk: Sibirskii khronograf publ., 2002. 1280 p.]
8. Kurennoi V. Why do we keep coming back to institutions? *Logos*. 2020. No. 6. P. 1–22. (In Russ.) DOI: 10.22394/0869-5377-2020-6-1-18
9. Litman A.D. *Sovremennaya indiiskaya filosofiya*. [Modern Indian Philosophy.] Moscow: Mysl' publ., 1985. 400 p. (In Russ.)
10. Lomanov A.V. *Sovremennoe konfutsianstvo: filosofiya Fen Yulanya*. [Modern Confucianism: The Philosophy of Feng Youlan.] Moscow: Vostochnaya literatura RAN publ., 1996. 248 p. (In Russ.)
11. Lotman Yu.M. Memory of culture. *Semiosfera. Stat'i, issledovaniya, zametki*. [Semiosphere. Papers, researches, notes.] St Petersburg: Iskusstvo-SPb. publ., 2010. P. 614–621. (In Russ.)
12. Malinkin A.N. Sociology and philosophy: inseparable and non-merged. The birth of marxist sociology from the spirit of bolshevism. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2020. No. 3. P. 148–171; No. 4. P. 137–169. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7399
13. Mal'tseva D.V., Romanovskii N.V. Contemporary networks theories in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. No. 8. P. 28–37. (In Russ.)
14. Motroshilova N.V. Martin Heidegger's “Black Notebooks”: in the wake of publication. *Voprosy filosofii*. 2015. No. 4. P. 131–162. (In Russ.)
15. Popkova N.V. “Sociology of Philosophies” by R. Collins and necessity of “the sociological growing” of philosophy. *Voprosy filosofii*. 2016. No. 11. P. 215–222. (In Russ.)
16. Popkova N.V. Sociology of philosophy: development difficulties. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019. No. 8. P. 133–142. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250006228-3

17. Rozov N.S. "Sociology of Philosophies" by Randall Collins — a new stage in the self-consciousness of intellectuals in world history. Kollinz R. *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. [Russ. ed.: *Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya*. Transl. from Eng. by N.S. Rozov, Yu.B. Vertgeim. Novosibirsk: Sibirskii khronograf publ., 2002. P. 7–31.]
18. Romanovskii N.V. Memory boom in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. No. 6. P. 13–23. (In Russ.)
19. Toshchenko Zh.T. Historical memory and sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998. No. 5. P. 3–6. (In Russ.)
20. Heidegger M. Ponderings: black notebooks. [Russ. ed.: *Razmyshleniya II–VI (Chernye tetradi 1931–1938)*. Transl. from Germ. by A.B. Grigor'ev. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara publ., 2016. 584 p.]
21. Halbwachs M. Social Framework of Memory. [Russ. ed.: *Sotsial'nye ramki pamyati*. Transl. from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo publ., 2007. 348 p.]
22. Chubarov I.M. Academic communication in Russian and German scientific societies: formats, norms, and limits. *Voprosy filosofii*. 2021. No. 4. P. 44–48. (In Russ.) DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-44-48
23. Shmerlina I.A. "Intersubjectivity": The emergence of a socio-phenomenological concept. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. No. 3. P. 35–59. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8423
24. Yadov V.A. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Opisaniye, ob'yasneniye, ponimaniye sotsial'noi real'nosti*. [Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality.] 3rd ed. Moscow: Omega-L publ., 2007. 567 p. (In Russ.)
25. Bevernage B. *History, Memory, and State-Sponsored Violence: Time and Justice*. N.Y. & L.: Routledge, 2012. 250 p. DOI: 10.4324/9780203803561
26. Bunge M. Philosophy from the Outside. *Philosophy of the Social Sciences*. 2000. No. 2. P. 227–245. DOI: 10.1177/004839310003000204
27. Burke P. *Varieties of Cultural History*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997. 256 p.
28. Jarvie I.C. The Philosophical Deficit in Randall Collins's *The Sociology of Philosophies*. *Philosophy of the Social Sciences*. 2004. No. 2. P. 274–283.
29. Megill A. History, Memory, Identity. *History of the Human Sciences*. 1998. No. 3. P. 37–62. DOI: 10.1177/095269519801100303
30. Munz P. The Poverty of Randall Collins's Formal Sociology of Philosophy. *Philosophy of the Social Sciences*. 2000. No. 2. P. 207–226. DOI: 10.1177/004839310003000203
31. Olick J., Robbins J. Social Memory Studies. From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. P. 105–140. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.105
32. Runia E. Presence. *History and Theory*. 2006. No. 1. P. 1–29. DOI: 10.1111/j.1468-2303.2006.00346.x
33. Tamm M. Introduction: Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory. *Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory*. Ed. by M. Tamm. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–23. DOI: 10.1057/9781137470188_1
34. Zweerde E., van der. *Soviet historiography of philosophy: istoriko-filosofskaja nauka*. Boston: Kluwer Academic Publishers, 1997. 291 p. DOI: 10.1007/978-94-015-8943-7

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Vlasova — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of History of Philosophy, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University.
Phone: +7 (812) 328-94-21, 1841. **Email:** o.a.vlasova@gmail.com

Received: 25.10.2021.